

*Моей матери Рожен, без которой
все это было бы невозможно*

Свиная голова

В свой первый приезд на Ямайку я видела отрубленную свиную голову. Бабушкина сестра, которую в семье звали Тетушкой, попросила меня принести холодной газировки. Войдя в кухню, я открыла крышку морозилки, и там была голова: из приоткрытой пасти высовывался коричневый язык, кончик которого плавал в лужице ледяной воды, а на лежащих внизу бутылках застыли капли густой крови.

Я зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть: в соседней комнате сидели мои двоюродные братья и сестры. Все они были не старше меня, но за пять дней, проведенных в Хановере*, я наслушалась невозможных рассказов о том, как они своими руками душат кур на суп, и насмотрелась, как от скуки ребята кидаются камнями в аллигаторов, недоуменно косясь на меня, поскольку я боялась присоединиться к их забаве. Мне больше не хотелось ловить их снисходительные взгляды, а потому я прикусила палец, чтобы сдержать возглас ужаса.

---

* Один из четырнадцати приходов (округов) Ямайки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Два дня назад десятилетний Родни, мой ровесник, без предупреждения у меня на глазах свернул курице шею. Увидев резкое движение его рук и услышав короткий хруст костей, я завизжала и отшатнулась к стенке курятника. Когда я перестала орать, брат скривился и сморщил нос, словно не знал, как ко мне относиться — с раздражением, презрением или добродушной насмешкой.

— Чего струхнула-то? — спросил он. — Вы там, в Канаде, супов не варите, что ли?

— Варим, конечно, — проямлила я. — Просто мы покупаем уже мертвую курицу.

Родни ничего не ответил и ни словом не обмолвился о происшествии другим братьям и сестрам, однако скоро все они стали обращаться со мной с особой осторожностью. Играя с друзьями в «вышибалу», девочки больше не предлагали мне водить, а когда все лазали по деревьям, срывая спелые манго, то не свешивались вниз, держась за ветки ногами, и не уговаривали меня присоединиться к ним. В первые три дня они хотя бы дразнили меня с плутоватой ухмылкой: «Трусись, да?», а потом кидались листьями и хохотали, глядя, как я пытаюсь стряхнуть их с косичек. Я куксилась и ворчала, задетая их издевками, но втайне радовалась, что меня принимают за свою и считают достаточно толстокожей для таких же насмешек, которыми они подначивали друг друга. Но после происшествия с курицей над мной перестали подтрунивать и звали только в безобидные игры вроде догонялок, доступные, по их мнению, для канадских девчонок.

— Что так долго? — Моя мама подошла сзади и, не дожидаясь ответа, наклонилась и заглянула

в морозилку. — Ясно, — тихо сказала она. — Тебя это травмирует?

Я не поняла, что она имеет в виду, но догадалась, что лучше ответить «нет», а потому покачала головой. Мама была под стать моим братьям и сестрам. Правда, я не видела, как она забивает на мясо животных, но у нас дома мама могла, не моргнув глазом, раздавить паука или с пол-оборота отбрить мужчин, пристающих к ней на улице. Еще не хватало, чтобы она подняла меня на смех из-за моей излишней впечатлительности.

— Элоиз! — позвала бабушка. Она вошла в кухню с заднего двора и встала рядом с нами, оперев руки в бока. С сильно выгнутой спиной, выставленной вперед грудью, выпирающим животом и широко расставленными ногами она напоминала голубя. — Я слыхала, Тетушка просила Кару принести попить холодненького. Вот только в морозилку лучше не лазать. Знаешь, что Бредда туда положил? Нашей пташке негоже такое видеть, еще напугается.

— Я уже закрыла крышку, — сказала мама. — Да и вообще, что страшного в мертвой голове? Это ведь не свинью забить у нее на глазах. Переживет.

— Кара у нас нежный цветок, она испугается.

Я услышала мамин глубокий вздох и внезапно вспомнила, сколько на кухне острых ножей, мечтая как-нибудь незаметно их спрятать. Мы приехали всего на полторы недели, а мама с бабушкой уже дважды разругались в пух и прах: сначала в аэропорту в день приезда, а потом еще раз дома. Тетушка даже пригрозила спустить на них псов, если обе не угомонятся, и добавила: «А я-то думала, Канада — цивилизованная страна. Что же вы лагаетесь, как собаки? Тьфу!»

Неужели все дочери так люто ругаются с матерями, когда вырастают? От этой мысли на глаза мне навернулись слезы. Бабушка взглянула на меня.

— Вот видишь? Она уже плачет, и все из-за головы.

— Голова тут ни при чем, — возразила мама. — Кара по любому поводу плачет.

— Говорю же, нежный цветок.

Призрак свиной головы преследовал меня до конца нашей поездки. Когда мы ходили обычными туристскими маршрутами, например лазали по уступам водопадов Даннс-Ривер, я представляла, что голова ждет меня на вершине и голубоватая вода течет из пяточка и ушей. А в доме Тетушки мне не давала покоя дальнейшая судьба отрубленной головы, хотя бабушка всячески старалась выпроваживать меня с кухни и тем более не подпускала к морозилке. Ее обычно сморщенное лицо даже разглаживалось от волнения, что меня ничуть не успокаивало, а только раздражало.

Зато, вернувшись в Торонто, я всем рассказала о свиной голове. На школьной игровой площадке во время перемены я собирала вокруг одноклассников и с удовольствием наблюдала, как от ужаса и любопытства на их физиономиях вспыхивает румянец.

— Ты сама убила свинью? — поражались они. — Не испугалась?

— И тебе не было противно?

— Нисколько, — без малейших колебаний отвечала я. — Даже понравилось.

— А много было крови?

— Море! — Я хихикала и наклонялась к слушателям, которые еще теснее сбивались вокруг меня: — Полоснула по горлу, и кровища как хлынет!

— Фу-у! — с отвращением тянули дети, закрывали лица и съеживались, представляя зияющую рану и потоки темной густой крови. Потом вытягивали руки вперед и тарачились на меня сквозь растопыренные пальцы.

— А тебя забрызгало?

— Ага. Неприятно было. — Слова приходили на ум сами собой, и с каждой репликой я чувствовала, как выдумка становится отчетливее и обрастает подробностями, словно я и правда вспоминаю реальный случай. В школе я часто рассказывала всякие небывлицы. Эти истории вызывали ко мне интерес, начинали жить собственной жизнью и позволяли мне примерять разные личины и черты характера, делая меня объектом всеобщего внимания.

Единственным человеком, которого свинья голова оставила равнодушным, была Анна-Мэй, девочка из класса на год старше, со светлыми волосами, всегда заплетенными во французские косы. Некоторое время назад она переехала в наш город с фермы в Капускейсинге, где-то в Северном Онтарио, и однажды поведала нам, как они топили в реке слепых или больных котят. Ее дружно стали обзывать живодеркой. Когда она появлялась на чьем-нибудь дне рождения, именинника стыдили за то, что его родители пригласили такую гадину, а если в доме была кошка, все ребята по очереди таскали животное на руках, крепко прижимая к груди, или в целях безопасности запирали где-нибудь в подвале и не сводили глаз с Анны-Мэй, зорко следя за каждым ее шагом.